

Валерий Антонов

**ЧУЖОЙ (Роман об Эвмене
Кардийском — секретаре,
полководце и предателе)**

Валерий Антонов

**ЧУЖОЙ (Роман об Эвмене
Кардийском — секретаре,
полководце и предателе)**

«Автор»

2026

Антонов В.

ЧУЖОЙ (Роман об Эвмене Кардийском — секретаре, полководце и предателе) / В. Антонов — «Автор», 2026

Его звали Эвмен. Сын возчика из захолустной Кардии, грек среди македонцев, «чернильная душа» при дворе, где ценили только силу меча. Он стал личным секретарём Филиппа, потом — тенью Александра Великого, хранителем царской печати и архивариусом империи, раскинувшейся от Дуная до Инда. Когда Александр умер, не оставив наследника, Эвмен оказался один против всех: Пердикки, Антигона, Птолемея — волков, рвущих державу на куски. Чужак, писец, полководец поневоле, он выигрывал битвы, но проигрывал друзей. Он командовал Серебряными щитами, говорил от имени мёртвого царя и заставил врагов бояться своего имени. Его предали те, кого он вёл к победе, продав за сундуки с барахлом. Исторический роман о человеке, который слишком много знал, слишком хорошо помнил и заплатил за верность мёртвому богу собственной жизнью. Но тень его осталась — насмешливая, неуничтожимая, вечная.

Содержание

Книга первая. Секретарь.	5
Кардиец Кардия, фракийский Херсонес, около 350–342 гг. до н. э.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Валерий Антонов

ЧУЖОЙ (Роман об Эвмене Кардийском — секретаре, полководце и предателе)

Книга первая. Секретарь.

Кардиец Кардия, фракийский Херсонес, около 350–342 гг. до н. э.

Кардия, фракийский Херсонес, около 350–342 гг. до н. э. Отец его был возчиком. Это Эвмен помнил смутно — запах дублёной кожи, скрип тележных колёс по утоптанной глине, грубые ладони, которые подбрасывали его в воздух, а потом ловили, смеясь. Он помнил, как сидел на плечах отца и смотрел на море — бесконечную серую гладь, уходящую за горизонт. «Там — мир», — говорил отец, и голос его звучал как обещание. «Там города, которые ты никогда не видел, и люди, которые говорят на языках, которых ты не знаешь. Может быть, однажды ты их увидишь». Отец умер, когда Эвмену было семь. Он не оставил сыну ни денег, ни земли, ни связей. Только имя — Эвмен, сын Гиеронима, — которое ничего не значило за пределами их маленького городка на краю Фракии. После похорон мать, молчаливая женщина с руками, огрубевшими от стирки, продала телегу и волов. Денег хватило на год. Потом она пошла работать в порт — таскала корзины с рыбой, чинила сети, стирала бельё заезжим купцам. Эвмен помнил её руки — красные, потрескавшиеся, с вьёвшейся под ногти солью. Она никогда не жаловалась. Только смотрела на сына долгим, пристальным взглядом и говорила: «Учись. Это всё, что у тебя есть». Она учила его не только буквам, которые знала сама. Она учила его видеть. Раскладывая на столе чечевицу, она говорила: «Смотри. Вот Афины. Вот Спарта. Вот Персия. Цари думают, что мир — это горы и реки, которые можно завоевать. Но мир — это люди. Запомни, сынок, самый главный секрет, который не написан ни в одной книге: каждым человеком движет либо страх, либо жадность. Научись видеть, чего он боится и чего он хочет, — и он станет твоим, будь он хоть царём, хоть нищим». Эвмен запомнил. Сначала он тренировался на ней. Видел, как она торгуется на рынке, безошибочно определяя, кому из купцов нужно срочно продать товар, а кому — польстить. Он видел, как она молчит в ответ на оскорбления, потому что знает: гордость не стоит того, чтобы потерять заказ на стирку. Она была его первой книгой по стратегии, написанной на языке выживания. Кардия была дырой. Так говорили все — купцы, проезжавшие через город, наёмники, останавливавшиеся на постой, даже местные старейшины, когда выпивали лишнего на праздниках Диониса. Дыра на краю ойкумены, зажата между морем и фракийскими холмами, где ветер выл так, что, казалось, сами боги забыли об этом месте. Летом здесь пахло солью и гниющей рыбой, зимой — дымом очагов и сырой шерстью. В порту бросали якорь торговые суда, идущие из Афин в Византий, но редко кто оставался надолго. Кардия была не целью, а остановкой — местом, где можно пополнить припасы, починить парус и уплыть дальше, туда, где настоящая жизнь. Но именно здесь, в этой дыре, Эвмен впервые понял, что он не такой, как все. Он читал. Читал всё, что попадало в руки, — обрывки папирусов, выброшенные купцами, старые письма, счета, храмовые записи, которые жрец храма Аполлона давал ему переписывать за миску похлёбки. У него была память, о которой жрец, старый Калликрат, говорил с суеверным ужасом: мальчик запоминал целые страницы с одного прочтения и мог повторить их слово в слово спустя месяц.

Однажды Калликрат проверил его — не по Гомеру, а по храмовым счетам. Эвмен с одного взгляда нашёл ошибку в подсчётах за прошлый месяц, из-за которой храм недополучил три драхмы. Жрец был потрясён. В тот вечер он оставил мальчика ужинать и за кубком разбавленного вина, впервые заговорив с ним не как со слугой, а как с равным. — У тебя дар, мальчик. Опасный дар. С ним ты можешь стать кем угодно. Хочешь, я замолвлю за тебя словечко? У меня есть знакомый купец в Афинах. Ему нужен честный и умный писец. Ты смог бы уехать, выучиться у настоящих философов, стать уважаемым человеком... Перед Эвменом впервые открылась дверь. Не в Пеллу, о которой он мечтал, но в настоящую, сытую жизнь. Он мог бы согласиться, уехать, забыть Кардию как страшный сон. Но он медлил. Афины — это покой. А он чувствовал странный голод, который не могли утолить мечты о сытости. Он хотел не просто выжить. Он хотел... отомстить? Доказать? Он сам не знал. — Нет, — ответил он наконец. — Я не хочу быть просто писцом у купца. Я хочу... Он замолчал, не в силах сформулировать то, что чувствовал. Калликрат понимающе кивнул, и в его глазах мелькнула тень тревоги. — Тогда молись, чтобы боги сжалились над тобой. Потому что люди с таким даром и такой гордыней либо правят миром, либо сгорают дотла. Эвмен не собирался разбазаривать. Он был тощим, невысоким, с вечно испачканными чернилами пальцами. Соседские мальчишки дразнили его «писцом» — это слово звучало как оскорбление. В Кардии уважали силу: рыбаков, которые выходили в море в шторм, грузчиков, которые таскали на спине амфоры с маслом, солдат, которые проходили через город и хвастались шрамами. Никто не уважал мальчишку, который сидел над папирусами и что-то бормотал себе под нос. Его били после школы — несильно, но обидно, загоняли в угол, отнимали еду, плевали в спину. Однажды он всё же попытался. Не дать сдачи, а найти защиту. Когда сын старшего грузчика, Клеон, в очередной раз отнял у него лепёшку и швырнул в грязь, Эвмен, униженный до слёз, пошёл жаловаться к городскому стражнику. Стражник, лениво жуящий солёную рыбу, выслушал его, оглядел тощую фигуру и рассмеялся: — Он сын Гиеронима-возчика, — пояснил кто-то из толпы зевак. — Ах, возчика! — хохотнул стражник. — Ну, если ты сын возчика, то привыкай, что тебя будут топтать. Это закон жизни. Иди, и в следующий раз дерись, а не ябедничай. В тот день Эвмен усвоил два урока. Первый: закон не защищает тех, у кого нет силы. Второй, более важный: справедливость — это просто слово, которым сильные прикрывают свой аппетит. Он вернулся домой, счищая грязь с единственного хитона, и больше никогда ни у кого не просил защиты. Он будет искать другой закон. Он не давал сдачи. Он ждал. Однажды он сказал матери: «Я уеду отсюда». Она стояла у очага, помешивая ячменную похлёбку, и не обернулась. «Куда?» — спросила она. «В Пеллу», — ответил Эвмен. Он слышал о Пелле от купцов: столица Македонии, город царей, где дворцы из мрамора, а в гавани стоят корабли, готовые плыть на край света. Мать усмехнулась — невесело, сухо. «Ты — сын возчика. Кто тебя туда пустит?» Эвмен ничего не ответил. Он знал: дверь откроется. Нужно только постучать в нужный момент. Когда ему исполнилось двенадцать, старый Калликрат взял его в помощники. Это не было щедростью — жрецу просто нужен был тот, кто будет переписывать храмовые записи и не украдёт при этом восковых табличек. Эвмен работал с рассвета до заката: переписывал списки жертвоприношений, договоры с купцами, записи оракулов, которые никто не читал. Он сидел в полутьме, при свете масляной лампы, и водил тростниковой палочкой по папирусу, выводя буквы с той тщательностью, которую может позволить себе только тот, кто знает цену каждой строчке. Калликрат платил ему едой, изредка — медной монетой. Этого хватало, чтобы они с матерью не умерли с голоду. Но не более. По вечерам, когда работа заканчивалась, Эвмен уходил в порт. Он садился на старый причал, свесив ноги над водой, и смотрел на море. Там, за горизонтом, лежал мир, который он знал только по книгам. Афины — город мудрецов и тиранов, где на Агоре спорят философы. Персия — империя несметных богатств, где цари носят тиары и пьют из золотых чаш. Македония — край диких горцев, которые вдруг стали хозяевами Греции. Он мечтал увидеть всё

это. Он мечтал войти в этот мир — не слугой, не рабом, а равным. Он не знал, что этот мир скоро откроется перед ним. И что цена за вход будет выше, чем он может себе представить.

Царь и возчик.

Пелла, Македония, около 342–336 гг. до н. э.

О том, как Эвмен попал ко двору Филиппа, рассказывали по-разному. Одни — что юный кардиец поразил царя своей ловкостью на спортивных состязаниях: будто бы он, шустрый и невзрачный, обставил македонских юношей в борьбе и беге, и Филипп, ценивший ум превыше мускулов, приблизил его к себе. Другие — что Филипп, проезжая через Кардию, остановился на ночлег в доме отца Эвмена и был так поражён умом мальчика, что взял его с собой в Пеллу.

Эвмен никогда не поправлял этих рассказчиков. Он знал, что легенда часто полезнее правды. Правда была скучной: его отца уже не было в живых, когда Филипп оказался в Кардии. Никакого дома, никакого гостеприимства. Просто один из царских писцов — фессалиец, страдавший болотной лихорадкой, — слёг и умер через два дня после прибытия в город. Армия стояла лагерем у стен, а царю требовалось отправить срочную депешу в Пеллу. Местный магистрат, помнивший Эвмена по храмовой работе, порекомендовал его как того, кто умеет писать быстро, чисто и без ошибок. Эвмена привели в царский шатёр — тощего, перепуганного, с чернильным пятном на щеке. Он написал письмо под диктовку. Филипп прочитал, хмыкнул и сказал: «Останешься, пока не найдём замену».

Замену не нашли. Эвмен остался на семь лет.

Филипп Второй Македонский *Царь Македонии, отец Александра.*

В свои пятьдесят с лишним Филипп выглядел как старый боевой пёс, который пережил слишком много схваток, но всё ещё может загрызть любого, кто встанет на его пути. Он ходил, припадая на правую ногу — память о фракийском копье, пробившем ему бедро под Метоней, — и этот дефект делал его походку неровной, качающейся, как у моряка на палубе. Правое плечо было сломано и срослось неправильно, отчего он казался чуть скособоченным. Левый глаз ему выбили стрелой при осаде, и теперь на его месте была пустая глазница, прикрытая веком, — лицо царя напоминало маску, с которой смотрит то ли живой, то ли мёртвый. Единственный уцелевший глаз был светло-серым, почти бесцветным на ярком свету, и смотрел с такой пронзительной, неудобной пристальностью, что собеседники невольно отводили взгляд.

От него всегда пахло вином и потом — он пил много, но никогда не пьянел до потери контроля, — а ещё мокрой шерстью и конским мускусом, потому что он проводил в седле больше времени, чем на троне. Он смеялся громко, запрокидывая голову, и хлопал собеседников по спине с силой, от которой трещали кости, но за этим показным весельем скрывался ум, острый, как бритва, и цинизм человека, который видел слишком много предательств, чтобы верить хоть кому-нибудь. Он превратил Македонию из захолустья, где пастухи дрались из-за овец, в хозяина Греции. Он создал армию, равной которой не знал мир — сариссу, фалангу, ударную конницу. Он женился семь раз, и каждый брак был политическим ходом, шахматной фигурой на доске, которую он разыгрывал с безжалостностью гроссмейстера. И он разглядел в тощем мальчишке из Кардии то, чего не видели другие: способность думать. Не просто запоминать и переписывать, а думать — быстро, холодно, без эмоций.

Дворец в Пелле ошеломил Эвмена. Он вырос в городе, где потолки были закопчены дымом очагов, а полы устилали тростником. Здесь всё было иначе: мраморные полы с мозаиками, изображавшими охоту на львов, стены, расписанные сценами из Гомера, внутренние дворы с фонтанами, где вода журчала день и ночь. В царских покоях пахло не рыбой, а благовониями — миррой, корицей, ладаном. Сотни слуг сновали по коридорам. Гетайры — царские «товарищи», македонская знать — собирались в пиршественных залах, пили неразбавленное вино и хвастались подвигами. Они носили пурпурные плащи и золотые перстни, их кони были дороже, чем целые деревни во Фракии. Эвмен смотрел на всё это и понимал: он здесь чужой.

Антипатр *Полководец, наместник Македонии, правая рука Филиппа.*

Антипатр был стар. Настолько стар, что некоторые шёпотом говорили, будто он служил ещё отцу Филиппа, Аминте, и видел, как Македония поднималась из грязи. Ему было за шестьдесят — немыслимый возраст для мира, где мужчины редко доживали до пятидесяти. Его волосы были совершенно белы, как горный снег, а борода росла жёсткая, клочковатая, и он никогда не подстригал её — она лежала на груди, придавая ему вид ветхозаветного пророка или сошедшего с ума философа. Лицо его, изрезанное морщинами, напоминало кору старого дуба, а глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели с тем спокойным, всепонимающим выражением, которое бывает только у людей, переживших всех своих врагов. Он двигался медленно, говорил мало и тихо, но каждое его слово имело вес удара молота. Филипп доверял ему больше, чем кому-либо, и когда царь уходил в поход, именно Антипатр оставался править Македонией. Солдаты его обожали — не за харизму, не за щедрость, а за спокойную, надёжную твёрдость, с какой он держал порядок. Он был как старый якорь, который удерживает корабль в любой шторм. Эвмен боялся его больше, чем самого Филиппа. Филипп был огнём — быстрым, ярким, но предсказуемым в своей ярости. Антипатр был камнем — холодным, недвижимым и совершенно неумолимым.

Филипп назначил Эвмена младшим писцом в царскую канцелярию. Это была крошечная должность — один из десятка секретарей, которые сидели в тесной комнате в восточном крыле дворца и переписывали приказы, письма и счета.

Никанор Старший *Главный царский архивариус, начальник канцелярии.*

Никанор был толст, лыс и страдал одышкой. Ему было около пятидесяти, и тридцать из них он просидел в одной и той же комнате, перебирая папирусы. Его мир состоял из свитков, чернильниц и восковых табличек; он не интересовался войной, политикой или женщинами — только порядком. В канцелярии он навёл такую систему учёта, что любой документ можно было найти за несколько минут, и эта система держалась исключительно на его памяти и педантизме. Пальцы его всегда были в чернилах, туника — в пятнах от вина, которое он пил постоянно, маленькими глотками, из серебряной фляги, спрятанной под грудой папирусов. Он говорил гнусаво, с присвистом, и имел привычку повторять последние слова фразы дважды: «Ты переписал это, переписал?» Никанор был единственным человеком во дворце, кто не смотрел на Эвмена как на чужака, — ему было всё равно, грек ты, македонец или скиф, лишь бы ты не путал столбцы в податных реестрах и не ставил клякс. Эвмен уважал его за это. И за то, что Никанор никогда не лез в политику, — качество, которое Эвмен оценил лишь много позже, когда увидел, как легко при дворе лишаются голов те, кто лезет не в свои дела.

Но Эвмен не был бы Эвменом, если бы остался на этом месте надолго. Он работал так, как не работал никто. Он приходил в канцелярию затемно и уходил глубокой ночью. Он переписывал документы с такой скоростью и точностью, что Никанор только качал головой, повторяя: «Невероятно, невероятно». Он начал систематизировать архив — разобрал груды папирусов, скопившиеся за годы, составил описи, перекрёстные ссылки, указатели. Через полгода он знал царскую переписку лучше, чем кто-либо во дворце. Ещё через полгода Филипп заметил его.

— Кто этот мальчишка? — спросил он, увидев Эвмена за работой. — Кардиец, — ответил кто-то из гетайров, стоявших рядом. — Писец. — Он не писец, — сказал Филипп, проматривая составленный Эвменом реестр податей с фракийских городов. — Он сокровище.

Парменион *Главный военачальник Филиппа, командующий пехотой.*

Парменион был полной противоположностью Антипатру — если тот был камнем, то Парменион был сталью. Высокий, сухощавый, с военной выправкой, которая не покидала его даже на пирах. Ему было около шестидесяти, но он двигался с грацией человека вдвое моложе. Лицо его было узким, с резкими чертами — орлиный нос, тонкие губы, всегда плотно сжатые, — и глубокими вертикальными складками у рта, которые делали его выражение вечно неодобрительным. Глаза у него были странного, блёкло-голубого цвета, и смотрели они холодно, оценивающе, как будто он постоянно прикидывал, на какое расстояние до тебя летит стрела. Он

был одним из немногих, кто никогда не смеялся над Эвменом, но и не защищал его. Он просто смотрел на кардийца с тем же выражением, что и на всё остальное, — с профессиональным интересом оценщика. «Грек полезен, пока приносит пользу», — сказал он как-то Филиппу в присутствии Эвмена, и это было самой большой похвалой, на какую он был способен. Эвмен запомнил эти слова. Он понял: Парменион — человек, который измеряет мир исключительно категориями полезности. И пока ты полезен — ты жив.

К девятнадцати годам Эвмен стал личным секретарём царя. Он сидел у дверей царского шатра в походах и у дверей царского кабинета в Пелле. Он записывал приказы, вёл переписку с сатрапами и союзными городами, подсчитывал расходы на армию и доходы от рудников. Он знал всё: сколько зерна в царских амбарах, сколько наёмников в гарнизонах на границе с Иллирией, кто из гетайров кому должен, кто с кем спит, кто на кого точит нож. Он был тенью царя — незаметной, но вездесущей.

Македонцы презирали его. Он был чужаком, греком, «чернильной душой». Сын возчика — при дворе, где каждый аристократ выводил свой род от Геракла или Ахилла. Они хлопали его по плечу слишком сильно, чтобы сделать больно, и смеялись, когда он вздрагивал. Они передразнивали его акцент — южное, аттическое произношение, резавшее их грубый македонский слух. Они называли его «кардийским писцом» так, как называют комнатную собачку, — с насмешливой лаской, за которой скрывалось презрение.

Юный Александр *Наследник престола, сын Филиппа и Олимпиады.*

Эвмен впервые увидел его через несколько недель после прибытия в Пеллу. Александру было четырнадцать — худой, невысокий, с копной светлых, почти льняных волос, которые вечно падали на глаза. Он двигался порывисто, как дикий жеребёнок, и говорил так же — быстро, сбивчиво, перескакивая с мысли на мысль. Но самым поразительным в нём были глаза — разного цвета. Один был голубым, как летнее небо над Эгейским морем, другой — тёмно-карым, почти чёрным. Этот разнобой придавал его взгляду что-то тревожное, неестественное, как будто на тебя смотрели одновременно два разных человека — один мечтательный и светлый, другой тёмный и бездонный.

В тот день Александр ворвался в канцелярию без спроса — искал какую-то карту персидских сатрапий, которую велел перерисовать. Он замер на пороге, увидев нового писца, и несколько секунд разглядывал Эвмена с бесцеремонным любопытством, какое могут позволить себе только цари и дети.

— Ты грек? — спросил он наконец. — Да, царевич. Из Кардии. — Кардия — Александр наморщил лоб, вспоминая. — Это на Херсонесе. Отец говорил, тамошние греки — упрямые, как ослы. Это правда? Эвмен позволил себе лёгкую улыбку: — Я предпочёл бы сравнение с мулами, царевич. Мулы выносливее ослов. Александр расхохотался — звонко, по-мальчишески. В тот момент он ещё не был царём, полубогом, завоевателем мира. Он был просто подростком, который любил лошадей, ненавидел скучных учителей и мечтал о подвигах, вычитанных у Гомера. Но уже тогда в нём чувствовалась какая-то нечеловеческая интенсивность — он никогда не стоял на месте, всегда двигался, говорил, задавал вопросы. Он был как сжатая пружина, готовая распрямиться. Эвмен видел эту пружину и понимал: когда она распрямится, миру придётся потесниться.

Он улыбался в ответ на насмешки македонцев. Он благодарил их за щедрость. Он кланялся, когда нужно, и молчал, когда молчание было выгоднее слов. Он запоминал их лица. Их имена. Их слабости. Он знал, что однажды эти знания пригодятся.

Всё изменилось летом 336 года до н. э. Филипп праздновал свадьбу своей дочери Клеопатры с эпирским царём Александром. Торжество было грандиозным — игры, жертвоприношения, пиры. В Эгах, древней столице Македонии, собралась вся знать. Эвмен стоял в толпе, когда Филипп вошёл в театр — без охраны, в белом плаще, с венком на голове, улыбающийся, уверенный в себе. Он хотел показать, что не боится своих врагов.

Удар был молниеносным. Павсаний, молодой телохранитель, обиженный царём, выскочил из толпы и вонзил кинжал Филиппу под рёбра. Царь рухнул на мраморные ступени. Кровь хлынула на белый плащ, на каменные плиты, на руки тех, кто бросился к нему. Павсаний побежал, но его догнали и закололи у ворот. В театре кричали женщины, плакали рабы, военачальники выхватывали мечи, не зная, кто ещё замешан в заговоре. Всё смешалось: паника, ярость, страх, крики «Царь мёртв!» и «Да здравствует Александр!».

Эвмен не плакал. Он стоял в стороне, прижавшись спиной к колонне, и смотрел на тело человека, которому служил семь лет. Он не любил Филиппа. Он уважал его — этого было достаточно. Филипп дал ему шанс, когда никто другой не дал бы. Филипп разглядел в сыне возчика то, чего не видели другие. И теперь Филипп был мёртв.

Эвмен оттолкнулся от колонны и пошёл во дворец. Не побежал — именно пошёл, быстро и целеустремлённо, лавируя между обезумевшими от страха людьми. Он знал, что сейчас начнётся: борьба за власть, сведение счётов, возможно, резня. Он знал, что бумаги — письма, счета, тайные договоры — станут оружием в руках того, кто первым до них доберётся. И он знал, что этот человек должен быть Александром.

Всю ночь он провёл в царском архиве. Он собрал все важные документы: переписку с греческими городами, договоры с Персией, списки агентов и осведомителей, финансовые отчёты. Он упаковал их в кожаные сумки и своими руками отнёс в покои наследника.

Александр принял его на рассвете. Двадцатилетний юноша с горящими глазами и спутанными после бессонной ночи волосами. Он уже был царём — по праву крови, по воле войска, по крику толпы в театре. Но в его глазах Эвмен увидел то, чего не видели другие: страх. Страх человека, который понимает, что власть — это не дар, а бремя.

— Ты служил моему отцу? — спросил Александр, глядя на сумки с документами. — Да, царь. — Ты будешь служить мне.

Это был не вопрос. Это был приказ. Эвмен кивнул.

Так началась его служба Александру. Тринадцать лет рядом с человеком, который завоевал мир. Тринадцать лет в тени, которая становилась всё длиннее.

Уроки огня.

Персидская империя, 330–324 гг. до н. э.

Они шли на восток. Эвмен никогда не думал, что увидит эти земли — бескрайние плоскогорья Мидии, снежные пики Гиндукуша, зелёные долины Бактрии, пыльные дороги Согдианы. В детстве он читал о Персии у Геродота и Ктесия, но чтение не подготовило его к реальности. Здесь всё было иным: небо — выше, звёзды — ярче, жара — нестерпимее. Люди говорили на языках, которых он не знал, поклонялись богам, о которых он не слышал. Мир был больше, чем он мог себе представить. И этот мир покорялся Александру.

Эвмен по-прежнему оставался архиграмматевсом — главой царской канцелярии, хранителем печати, голосом царя на бумаге. Но теперь в его ведении была не только переписка. Он составлял маршруты, рассчитывал припасы, вёл учёт трофеев, отправлял донесения в Вавилон и Пеллу, улаживал споры между греческими наёмниками и македонскими ветеранами. Он спал по три часа в сутки, ел на ходу и почти не расставался с папирусом. Его палатка была завалена свитками — приказы, счета, карты, письма, доносы. Он знал об армии больше, чем любой из полководцев.

И он по-прежнему был чужим.

За годы похода его положение только ухудшилось. Молодые македонские аристократы, окружавшие Александра, смотрели на «кардийского писца» с растущим раздражением. Почему этот грек сидит на военных советах? Почему царь советуется с ним, а не с теми, кто проливает кровь на поле боя? Почему он носит перстень с царской печатью — он, сын возчика, человек без рода и племени?

Гефестион, сын Аминтора *Хилиарх, командир гетайров, ближайший друг и возлюбленный Александра.*

Гефестион был высок — выше самого Александра на полголовы, — и сложен, как статуя работы Праксителя: широкие плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги. Македонцы говорили, что из всех «телохранителей» царя он один был достоин стоять рядом с Александром не только по праву дружбы, но и по красоте. У него было лицо с резкими, почти надменными чертами — высокие скулы, прямой нос, тяжёлый подбородок с ямочкой, — а волосы, цвета тёмной меди, он носил длинными, ниже плеч, по старой македонской моде, и они вились крупными, ленивыми кольцами. Но главным в его внешности были глаза — светло-карие, почти золотистые на солнце, с тем странным, чуть насмешливым прищуром, который выдавал человека, привыкшего к поклонению и никогда не сомневавшегося в своём превосходстве.

Он одевался роскошнее всех — его плащи были из лучшей милетской шерсти, крашенной в пурпур, его доспехи украшала золотая чеканка, его конь всегда был самым дорогим, самым породистым, самым норовистым. Ему всё давалось легко — битва, охота, любовь, дружба царя. Он никогда не интриговал, потому что ему не нужно было интриговать: он просто брал то, что хотел, — власть, почести, восхищение. Александр любил его с той безоговорочностью, с какой любят часть самого себя. «Александр без Гефестиона — как Ахилл без Патрокла», — говорили при дворе. И Гефестион это знал. Знал и то, что никто не посмеет встать у него на пути. Никто — кроме этого безродного кардийца, который смотрел на него своими холодными, непроницаемыми глазами и не кланялся. Этого Гефестион не мог простить.

Главным его врагом стал Гефестион.

Их ссоры вспыхивали постоянно — из-за денег, из-за влияния, из-за мелочей, которые со стороны казались смешными. Однажды Гефестион попросту выгнал людей Эвмена из дома, который те заняли для своего господина в захваченном городе, и отдал его своим слугам. Эвмен, вернувшись с объезда, обнаружил свои вещи выброшенными на улицу. Он ничего не сказал — он пошёл к Александру.

— Царь, — сказал он, стоя перед троном с прямой спиной и каменным лицом, — твой друг Гефестион выгнал моих людей из дома, который я занял по праву. Я прошу справедливости.

Александр нахмурился. Он не любил, когда его друзья ссорились. Он попытался замять дело, перевёл разговор на другое. Но Эвмен не отступал. Он стоял и требовал ответа — не из мелочности, а из принципа. Если он позволит Гефестиону унижать себя безнаказанно, завтра это сделает каждый македонский аристократ. Александр вспыхнул. Он кричал на Эвмена, называл его неблагодарным, угрожал лишить должности. Но Эвмен не дрогнул. Он знал, что прав, и стоял на своём.

Конфликт тянулся несколько дней. В лагере шептались, что царь вот-вот сместит «кардийца». Но Александр остыл. Он понимал, что Эвмен нужен ему — не как друг, а как инструмент. Такой инструмент, которому нет замены. В итоге Гефестиону пришлось уступить. Но ненависть между ними не угасла — она тлела, как угли под золой, готовая вспыхнуть в любой момент.

Птолемей, сын Лага *Один из соматофилаков (телохранителей) Александра, будущий основатель династии Птолемеев в Египте.*

Птолемей был старше большинства друзей Александра — ему уже перевалило за тридцать, когда они перешли Геллеспонт. Он был невысок, коренаст, с мощной шеей борца и руками, которые привыкли держать и меч, и поводья, и кубок. Лицо его было грубоватым, с широкими скулами и носом, сломанным в юности и сросшимся криво, отчего он всегда казался слегка ухмыляющимся, даже когда был совершенно серьёзен. Глаза у него были маленькие, глубоко посаженные, болотного цвета, и смотрели они всегда пристально, оценивающе — взгляд человека, который привык считать монеты даже во сне.

Он был хитёр, как старый лис, и осторожен, как змея, греющаяся на солнце. Никогда не лез вперёд, но всегда оказывался в нужном месте в нужное время. Никогда не спорил с царём открыто, но умел шепнуть нужное слово в нужное ухо. Среди гетайров его не любили — считали слишком расчётливым, слишком «греческим» в своей прагматичности, но уважали за ум. Эвмен присматривался к нему с особым вниманием. В Птолемея он узнавал самого себя — такой же чужак, пытающийся найти опору в мире, который ему не принадлежит. И это делало его вдвойне опасным.

Селевк *Молодой командир гипаспистов, будущий основатель державы Селевкидов.*

Селевк был сыном Антиоха, одного из военачальников Филиппа, и вырос при дворе. Он был ровесником Александра — высокий, худощавый, с нервными, порывистыми движениями, которые выдавали в нём человека, никогда не умевшего сидеть на месте. У него было длинное, лошадиное лицо с крупным носом и близко посаженными глазами — не красавец, но что-то в его облике притягивало внимание: может быть, та лихорадочная, почти безумная энергия, которая горела в нём постоянно. Он говорил быстро, глотал слова, перескакивал с мысли на мысль, но в бою преображался — становился спокоен, точен, смертоносен. Эвмен видел его при Гавгамелах: Селевк командовал гипаспистами на правом фланге и держал строй с такой же непоколебимостью, с какой скала держит удар волны.

Он никогда открыто не выступал против Эвмена — просто не замечал его. Для Селевка существовали только македонцы и варвары; грек-писец был чем-то вроде полезной мебели, которая иногда нужна, но не заслуживает того, чтобы о ней спотыкаться. Эвмен платил ему той же монетой — не замечал. Но запоминал.

Инцидент с деньгами произошёл в 324 году до н. э., после возвращения из Индии. Александр готовил экспедицию Неарха — флот должен был исследовать путь от устья Инда до Персидского залива. На это требовались деньги — триста талантов серебра. Александр вызвал Эвмена и потребовал выдать сумму из царской казны.

— У меня нет трёхсот талантов, — сказал Эвмен.

Александр поднял бровь.

— Как это нет? Ты — хранитель казны. Я знаю, что деньги есть.

— Деньги есть, — ответил Эвмен. — Но не триста талантов. Я могу дать сто. Остальные разошлись — на жалованье, на припасы, на подарки союзникам. Если ты хочешь триста, мне нужно время, чтобы собрать их.

Александр не поверил. Вернее, ему не хотелось верить. Он привык получать то, что требовал, немедленно. Он заподозрил Эвмена в растрате — или, что было почти так же обидно, в излишней бережливости. В ту же ночь, по тайному приказу царя, несколько солдат подожгли палатку Эвмена.

Пламя взметнулось к небу, осветив лагерь оранжевым заревом. Эвмен выскочил наружу, схватив только плащ. Он стоял и смотрел, как огонь пожирает его имущество — сундуки с папирусами, копии приказов, счета, реестры, письма. Всё, что он собирал годами. Архив, которому не было цены. Дым поднимался столбом, и в нём мелькали обугленные листы — как души умерших, улетающие в небо.

Он не плакал. Он не кричал. Он просто стоял и смотрел. Он знал, что это сделал Александр. Он знал, что это — наказание за отказ. И он знал, что должен выдержать.

Когда огонь погас, на пепелище нашли только горстку серебра — гораздо меньше, чем ожидал Александр. Царь понял, что ошибся. Денег действительно не было. Но он не извинился — цари не извиняются.

На следующее утро он вызвал Эвмена.

— Ты знаешь, почему это случилось, — сказал он.

— Да, царь.

— Ты можешь восстановить документы?

Эвмен поднял на него глаза.

— Я помню их все. Каждую строчку. Каждую цифру. Каждое имя. Я восстанавливаю.

Александр долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Я знал, что ты это скажешь.

Александр в зените славы Царь Македонии, владыка Азии, фараон Египта, Сын Аммона.

К тридцати годам Александр изменился. Юношеская угловатость исчезла, уступив место тяжёлой, почти нечеловеческой красоте — красоте хищника, который привык, что мир ложится к его ногам. Он был невысок, но сложен безупречно: широкая грудь, мускулистые руки, ноги, которые могли провести в седле сутки без отдыха. Кожа его, некогда светлая, стала бронзовой от солнца Бактрии и Индии. Шрамы покрывали его тело, как карта его походов: стрела в плече — память о скифах, камень в шее — о Кирополе, копьё в бедре — о маллах. Он носил их с гордостью, никогда не скрывая.

Но самым страшным в нём стали глаза. Они всё так же были разного цвета — голубой и карий, — но теперь голубой казался выцветшим, почти прозрачным, а карий приобрёл тусклый, дымчатый оттенок. Он смотрел не мигая, подолгу, и в этом взгляде не осталось прежнего мальчишеского любопытства — только спокойная, уверенная властность человека, который привык, что его воля — закон для мира. Он всё ещё смеялся, всё ещё любил пиры и охоту, но в его веселье появилась какая-то лихорадочная, пугающая нота — как будто он торопился прожить всё, что ему отпущено, зная, что времени осталось мало. После Индии он стал вспыльчивее, подозрительнее, скор на расправу. Смерть Клита, казнь Филоты, убийство Каллисфена — всё это легло тенью на его облик. Но Эвмен, глядя на него, видел не тирана. Он видел человека, который завоевал мир и понял, что мир не может заполнить пустоту внутри.

Эвмен работал три месяца. Он сидел в новой палатке, при свете масляной лампы, и по памяти восстанавливал архив — письма к сатрапам, договоры с городами, финансовые отчёты, списки войск. Он диктовал писцам с утра до ночи, и ни разу не ошибся. По лагерю поползли слухи: «Кардиец помнит всё. Он не человек — он демон».

После этого случая Александр стал относиться к нему иначе. Он понял: Эвмен — не просто писец. Он — незаменим.

В том же году, в Сузах, Александр устроил грандиозную свадьбу. Он женил девяносто два македонских военачальника на знатных персиянках — политический брак, скрепляющий союз двух народов. Сам он взял в жёны Статиру, дочь Дария. А Эвмену отдал Артонида — сестру Барсины, своей возлюбленной, родившей ему сына Геракла.

Артонида Дочь Артабаза, персиянка царской крови, жена Эвмена.

Артонида была младшей дочерью Артабаза, сатрапа Фригии, одного из немногих персов, кто пережил падение империи Ахеменидов и сохранил положение при Александре. Она была невысока, тонка в кости, с кожей цвета светлого мёда и огромными тёмными глазами, которые, казалось, занимали половину её маленького треугольного лица. Волосы у неё были чёрные, с синеватым отливом, и она носила их заплетёнными в десятки тонких косичек по персидскому обычаю, украшая золотыми бусинами и бирюзовыми подвесками. Она двигалась бесшумно, как тень, и говорила мало, но в её молчании не было покорности — скорее, достоинство человека, который знает себе цену и не нуждается в лишних словах, чтобы её подтвердить.

Она выросла в роскоши персидского двора, где женщины жили затворницами, но успела повидать крушение этой роскоши — бегство от македонцев, смерть братьев, унижение плена. К двадцати годам она уже научилась не привязываться ни к чему: дворцы, города, люди — всё уходит. Эвмен, когда впервые увидел её перед свадебным алтарём, почувствовал странное родство. Она была такой же чужой среди македонцев, как и он. И всё же — персиянка царской крови, сестра возлюбленной Александра. Этот брак возвышал Эвмена над большинством

македонцев. Всем, кто шептал, что «писарь» — ничтожество, царь показал: этот человек принадлежит к его семье.

Свадьба была пышной. Пир длился пять дней под огромным шатром, украшенным золотыми тканями и гирляндами цветов. Музыканты играли на кифарах и авлосах, танцовщицы из Индии кружились в танце, вино лилось рекой. Эвмен сидел рядом с невестой и смотрел на неё искоса, украдкой. Она не знала его языка. Он не знал её обычаев. Но когда их взгляды встретились — его холодные, серые, оценивающие и её тёмные, спокойные, бесстрашные, — он вдруг понял, что перед ним не жертва политического торга, а союзник. Он взял её за руку и улыбнулся — впервые за долгое время искренне.

После свадьбы он написал письмо — не жене, а самому себе, на клочке папируса, который потом сжёг. «Ты стал тем, кем не мог стать. Ты — сын возчика, и ты — зять царя. Помни это. Помни цену».

Осенью того же года случилось непоправимое. Гефестион умер.

Это было в Экбатанах, во время праздника. Гефестион заболел лихорадкой и сгорел за семь дней. Александр был безутешен. Он трое суток лежал, отвернувшись к стене, не ел, не пил, ни с кем не говорил. Он приказал казнить врача, не сумевшего спасти друга. Он отправил гонца к оракулу Амона — спрашивать, можно ли воздавать Гефестиону божественные почести. Он распял на кресте целое племя коссеев — в жертву тени умершего.

Эвмен не радовался смерти врага. Гефестион был его противником, но он был частью того мира, который создал Александр. Частью порядка, который Эвмен понимал и в котором знал своё место. Без Гефестиона этот порядок трещал по швам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.